10.02.2022 20:26:00

Обыски стали средством запугивания и разорения граждан

Каждый год суды удовлетворяют 200 тысяч запросов следствия

Екатерина Трифонова
Корреспондент отдела политики "Независимой газеты"

Тэги: юстиция, следствие, обыски, критика, права, нарушения, мнение

On-Line версия

«Маски-шоу» сначала проводили для бизнесменов, но теперь в них вовлекают и частных лиц. Фото РИА Новости

В юридическом сообществе страны сейчас идет критическое обсуждение практики обыскных мероприятий. Обыски в том формате, который действует, создают возможность для фальсификаций и незаконного вторжения в частную жизнь. Изъятые вещи часто не возвращаются их владельцам, причем изымаются даже те предметы, которые не могут послужить доказательствами. Таким образом, процедура проведения обысков превратилась в инструмент для устрашения и разорения гражданина. При этом суды утверждают почти все ходатайства силовиков. Однако те уже придумали способ действовать и без санкций.

Обыски в России потеряли свое прямое предназначение. Следователи используют их скорее как средство давления на граждан.

А еще это легальный способ изъять все технические средства, например, у политактивистов или журналистов. Дальнейшие следы гаджетов и часто иных ценных вещей часто теряются, что ставит вопрос о превращении обысков в метод незаконного обогащения.

В докладе Института права и публичной политики (включен Минюстом в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента) под названием «Обыск, осмотр, обследование: права человека и интересы следствия» отмечается и такая негативная тенденция: «Правоохранительные органы часто в избыточном количестве изымают ненужные им предметы и документы, которые все реже в итоге становятся доказательствами по делу».

А вот судебный контроль становится фикцией. Более 96% следственных ходатайств на проведение обысков, осмотров и обследований судьи удовлетворяют автоматом, а именно просто копируют запросы правоохранителей, не требуя дополнительные материалы и не конкретизируя предметы поиска. И таким образом суды ежегодно санкционируют порядка 200 тыс. подобных мероприятий. Это прямо противоречит позиции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который

неоднократно подчеркивал, что предметы и цели поиска должны быть детально конкретизированы. А главное – воздействовать на жизнь людей следственными действиями можно лишь в разумных пределах, но в России они чаще всего выходят за эти рамки.

Теперь же силовики занялись и подменой понятий: внепроцессуальные «обследования» используют для маскировки фактических обысков, что к тому же позволяет проводить такие мероприятия по анонимным обращениям и непроверенной оперативной информации. И «обследования» становятся все более популярны у следственных органов, хотя на деле их не отличить от обычных обысков. Однако лишь 18% обследований заканчивается реальным возбуждением дел, при этом количество незаконных изъятий имущества и документов возрастает.

Как пояснил «НГ» адвокат Московской областной КА Сергей Пузин, на самом деле процедура обыска может коснуться любого человека, а не только подозреваемых или фигурантов уголовных дел: «Часто с этим сталкиваются предприниматели, у которых под предлогами различных проверок изымают документы, компьютеры, а потом долго не возвращают изъятое, таким образом, парализуя их деятельность». Есть еще и политические дела, у оппозиционных активистов за последние годы прошли десятки тысяч обысков с изъятием большого числа техники. Формально, заметил Пузин, уголовно-процессуальный закон предусматривает некие гарантии для обыскиваемых граждан. Например, во время этой процедуры вправе присутствовать адвокат: «Но ключевое слово тут «вправе», а де-факто силовики, пользуясь своими полномочиями, не допускают защитников к участию в обыске – так как их присутствие мешает незаконным действиям». А суды занимают твердую позицию: «никто защитника ждать и не обязан». В реальности, подчеркнул эксперт, обыск действительно используется как психологическая атака. «Зачастую они проводятся рано утром. Тактическая хитрость состоит в том, что человек в полной мере не успевает осознать происходящее. И такое злоупотребление полномочиями силовиков существует исключительно при попустительстве со стороны судов, которые смиренно принимают результаты незаконных обысков в качестве доказательств», – заметил Пузин.

Как сказал «НГ» управляющий партнер юркомпании AVG Legal Алексей Гавришев, «к сожалению, грубейшие нарушения в ходе проведения следственных действий, в том числе и обысков, стали обыденностью». А на борьбу с этим нет политической воли, хотя на самом деле уже давно утрачена суть данного следственного действия, состоящая в поиске предметов, имеющих значение для уголовного дела. Де-факто «правоохранителями по надуманным обстоятельствам изымается все, даже то, что к делу никак относится, – деньги, техника, материальные ценности». Таким образом, у людей могут наступить непоправимые последствия в виде потери работы, невозможности платить по счетам, кредитам и т.д. При проведении обысков в офисах изымается вся документация юрлиц, без которой их дальнейшая работа просто парализуется. «На сегодняшний день такой «тандем» правоохранительных, судебных и надзорных органов стал причиной грубейшего по своим масштабам нарушения законодательства», – заявил эксперт. Решение этой проблемы, по его словам, есть лишь одно – проведение масштабной судебной реформы, которая позволила бы реально разделить действующие ветви власти, сделать суд независимым от правоохранительных органов и реализовать все надзорные функции прокуратуры.

Вице-президент Ассоциации юристов по регистрации, ликвидации, банкротству и судебному представительству Владимир Кузнецов напомнил, что обыск – это «действительно одно из самых жестких следственных действий из предусмотренных УПК». «Суды занимают обвинительную, а не независимую объективную позицию как при удовлетворении практических всех ходатайств следствия, так и при анализе проводимых следственных действий. Обвинительное заключение принимается как неоспоримое доказательство виновности подсудимого», – отметил он. И зачастую обыск используется также как один из способов получения доступа к информации, средствам хранения информации и данных о жизни человека, то есть это «дополнительная возможность «найти ниточку» и оказать давление на подозреваемого и членов его семьи. При этом «тонкая и законодательно неопределенная грань, которая проходит между такими действиями как осмотр, обследование помещений, транспортных средств и обыском, позволяет оперативникам повсеместно и безнаказанно злоупотреблять полномочиями». На сегодняшний день, отметил он, отсутствует четко регламентированная процедура проведения осмотра и обследования, а также правила обжалования незаконных действий сотрудников и проведенных ими мероприятий. Результат: подмена понятий, введение в заблуждение граждан, нарушение их прав, получение доказательств с нарушениями. Основная цель правоохранителей, уверен он, – показать, «кто главный», то есть это способ психологического воздействия: «Понимая и боясь силы власти,

граждане зачастую соглашаются на сотрудничество со следствием, дают неверные показания, оговаривая себя либо не отдавая отчет в тех показаниях, которые дают». «Такая диспозитивность и дозволенность выполнять то, что напрямую не запрещено, – не должна быть применима в уголовном процессе», – подчеркнул Кузнецов. Поэтому «необходима четкая регламентация деятельности правоохранительных органов, в том числе право на присутствие адвоката во время обыска, особенно в случае, когда обыск проводится по фактическому подозрению».

Однако, к примеру, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Плеханова Екатерина Арестова считает, что утверждения некоторых юристов о невозможности использования результатов ОРД в процессе доказывания лишены правовых оснований: «В уголовном судопроизводстве, как правило, используются результаты гласного обследования, которое производится оперативниками полиции на основании закона об ОРД и приказа МВД РФ от 2014 года № 199. Порядок производства такого обследования имеет много общего с процессуальным обыском». Оба действия, по ее словам, протоколируются, производятся в присутствии незаинтересованных очевидцев, представителей юридических либо физических лиц, чьи помещения, здания, сооружения, участки местности и транспортные средства обследуются, все это сопровождаются фото– и видеофиксацией. «И при обыске, и при обследовании разрешено изъятие указанных в законе предметов и документов. Соответственно при условии соблюдения следователем всех требований УПК по преобразованию результатов гласного обследования в процессуальные доказательства, таковые могут быть положены в основу обвинения», – считает эксперт. Что же касается негласного обследования, то признание его результатов доказательствами создает большой риск фальсификаций. Арестова объяснила и непременное изъятия у граждан предметов: дело в том, что в ряде случаев предметы, принадлежавшие обвиняемым, – те же компьютеры, как раз и использовались ими в качестве средства совершения преступления. Например, для публичных призывов к экстремистской деятельности. «Согласно УПК такие вещественные доказательства не возвращаются обвиняемым, а конфискуются, передаются в соответствующие учреждения или уничтожаются» – сказала она и пояснила, что раз именно таково требование закона, то и обжалование соответствующих решений суда бесперспективно.